

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-299-315

**«На границах привычной коммуникации»:
семиотико-феноменологический аспект
читательской рефлексии М. Степановой**

Юлия Анатольевна Говорухина

Балтийский федеральный университет имени И. Канта
Калининград, Россия

IGovorukhina@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Аннотация

Предложено семиотико-феноменологическое осмысление проблемы производства смысла и непонимания поэтического текста как одной из возможных реакций читателя. Материалом послужила металитературная рефлексия Марии Степановой: сравнение читателя с сейсмографом-смыслоулавливателем, процесса интерпретации – с действиями на границах привычной коммуникации, непонимания – с отсутствием органа считывания. Автор рассматривается одновременно как кодирующий отправитель и декодирующий интерпретатор бытия, улавливающий смыслы. Уникальность кодируемого и самого опыта познания мира поэтом, трансцендентальная природа передаваемого посредством знака, необходимость реконструировать язык говорения и понимания без потери эквивалентности смыслов затрудняют восприятие поэтического текста. М. Степанова создает образ идеального читателя, готового к травматичному опыту понимания нового языка и улавливания новых смыслов при отсутствии «органа» для полноценного диалога.

Ключевые слова

рецепция текста, чтение, семиотика чтения, феноменология чтения, М. Степанова, непонимание

© Говорухина Ю. А., 2024

Для цитирования

Говорухина Ю. А. «На границах привычной коммуникации»: семиотико-феноменологический аспект читательской рефлексии М. Степановой // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 299–315. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-299-315

“On the Borders of Common Communication”: Semiotic-Phenomenological Aspect of M. Stepanova’s Reader’s Reflection

Yulia A. Govorukhina

Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation

IGovorukhina@kantiana.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>

Abstract

The article proposes a semiotic-phenomenological understanding of the problem of meaning production and misunderstanding of a poetic text as one of the possible reactions of the reader. The material was the metaliterary reflection of Maria Stepanova: a comparison of the reader with a seismograph-sensecatcher, the process of interpretation with actions on the boundaries of ordinary communication, misunderstanding with the absence of a reading organ. The author is considered simultaneously as a coding sender and a decoding interpreter of being, capturing meanings. The uniqueness of what is encoded and the experience of the poet’s knowledge of the world, the transcendental nature of what is conveyed through a sign, the need to reconstruct the language of speaking and understanding without losing the equivalence of meanings make it difficult to perceive a poetic text. M. Stepanova creates the image of an ideal reader, ready for the traumatic experience of understanding a new language and capturing new meanings in a situation where there is no “organ” for a full dialogue.

Keywords

text reception, reading, semiotics of reading, phenomenology of reading, M. Stepanova, misunderstanding

For citation

Govorukhina Yu. A. “On the Borders of Common Communication”: Semiotic-Phenomenological Aspect of M. Stepanova’s Reader’s Reflection. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 299–315. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-299-315

Участники дискуссий, авторы статей о новейшей поэзии (причинах бума / упадка, направлениях, перспективах) неизменно затрагивают проблему чтения, выбора читателя и его (не)способности к восприятию сложного поэтического текста¹. Так, С. Чупринин, начиная дискуссию «Поэзия XXI века: жизнь без читателя?», говорит о неактуальности классической фразы «Удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха»: «Эха – нет». Причина, по его мнению, – публика, которая «разучилась постигать новые смыслы и восхищаться свежими метафорами» [Поэзия XXI века..., 2012]. Поэт и издатель А. Шишкин продолжает мысль С. Чупринина: «Углубленное понимание возникающих поэтических языков требует определенного типа мышления, определенной языковой метафоричности восприятия и прочее...» [Там же]. Своего рода диагноз «эстетическая глухота» ставится и литературными критиками, и литературоведами, изучающими вопросы рецепции и социологии чтения, и самими поэтами. Так, в интервью с А. Тимофеевским М. Степанова говорит о том, что подлинная поэзия работает на границах привычной коммуникации, и замечает: «Стихи – новость из будущего, они пишутся с опережением, говорят на новом языке, выстраивают новые связи между вещами»². Писательница так комментирует признание Эммы Герштейн в читательском бессилии при знакомстве со стихами Мандельштама: «...ей пока *нечем* его понимать, *нечем* считывать. Аппарат соответствующий отсутствует» [Там же]. Отсутствие «аппарата» она замечает и у современного читателя.

Формулировки М. Степановой представляют интерес для осмысления феномена непонимания как с точки зрения семиотики и теории коммуникации, так и с позиции феноменологии. Семиотика, обладая объясняющим потенциалом, помогает прояснить специфику сложившейся ситуации рецептивного тупика, в которой оказывается современный читатель, делающий выбор в пользу сложной литературы, уточнить представление об эс-

¹ Поэзия XXI века: жизнь без читателя? // Знамя. 2012. № 2. С. 180–188; *На rendez-vous с современностью* // Новое литературное обозрение. 2003. № 4 (62); *Вежлян Е.* Современная поэзия и «проблема» ее нечтения: опыт реконцептуализации // Новое литературное обозрение. 2017. № 1. С. 270–290; *Абдуллаев Е.* Кому нужна современная поэзия // Арион. 2019. № 1. С. 23–43; *Козлов В.* Ничья земля современной поэзии // Вопросы литературы. 2018. № 5. С. 103–125 и др.

² Нечто неслышанное: переписка А. Тимофеевского и М. Степановой // Известия. URL: <https://iz.ru/news/363416> (дата обращения 09.08.2023).

тетической коммуникации. Феноменологический ракурс позволяет выйти в сферу работы сознания автора и реципиента.

О сложности семиотического осмысления феномена непонимания говорил еще Ч. Пирс, не только одним из первых описавший фактор субъективности в семиозисе, но и заявивший, что коммуникативная неудача – столь же ценный объект изучения, что и успех в деле продуцирования, трансляции и рецепции информации. Непонимание уже становилось объектом внимания в теории коммуникации³, феноменологии, психологии, герменевтике. М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, З. Фрейд, Ж. Лакан, М. Мерло-Понти, Л. Витгенштейн, В. Дильтей, П. Рикёр, каждый в рамках своей методологической парадигмы, выходят к понятию Другой, чья инаковость оказывается барьером в понимании и приводит к конфликтам интерпретаций. П. Рикёр предполагал, что текст входит в память читателя, в его жизненный (и читательский) опыт, определяя процесс смыслообразования, но память с ее особыми культурными кодами может стать ложным помощником [Рикёр, 2008, с. 200–201, 204, 451]. Об этом, по сути, пишет и сама М. Степанова в эссе «Права гражданства»: полученный опыт чтения не помогает понять сложный поэтический текст: «...поэзия – самое экономичное из искусств: она шьет из материала заказчика нечто, почти непригодное к употреблению по принятым у людей образцам» [Степанова, 2014, с. 206].

Статьи и эссе писательницы позволяют говорить о том, что в основе ее представлений о рецепции лежит базовая схема «автор – референт – знак – интерпретатор», усложненная областью шума и представлением о коде и (де)кодировании.

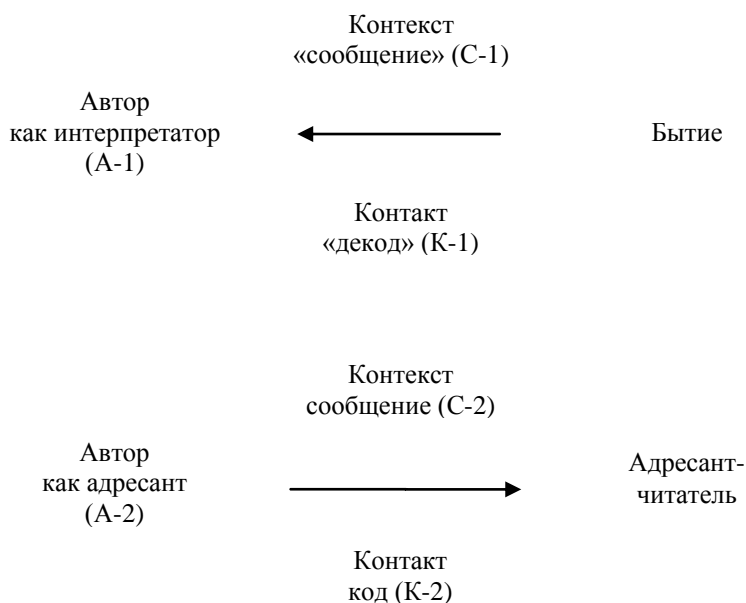
И автор (как отправитель особым образом закодированной информации), и читатель (как получатель информации и интерпретатор, осуществляющий декодирование), в представлении М. Степановой, – смыслоуловители («...поэт / писатель – что-то вроде портативного смыслоулавливателя, точный прибор, работающий наподобие сейсмографа...»⁴). Таким образом, мир для нее уже наполнен смыслами, открыт поэту, чья интуиция (подобная чувствительному сейсмографу) способна интуитивно «поймать»

³ В результате, возникали термины «коммуникативная неудача» (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, О. П. Ермакова), «коммуникативный провал» (Т. В. Шмелева), «коммуникативный сбой» (Е. В. Падучева), «языковой / речевой конфликт» (С. Г. Ильенко).

⁴ Нечто неслыханное: переписка А. Тимофеевского и М. Степановой.

их. Автор оказывается изначально в позиции адресата-интерпретатора некоего «сообщения». Эта работа по улавливанию смыслов онтологически и антропологически важна, позволяет сопротивляться энтропии: «Достаточно обычного безволия: один раз разжать руки, перестать делать эту утомительную работу – усилие-к-пониманию – и ткань общего смыслового пространства, соединяющего языки и культуры, прохудится, обветшает, распадётся на волокна» [Степанова, 2014, с. 220].

Такое представление об адресанте и об эстетической коммуникации в целом может быть семиотически описано следующим образом. Предложенная ниже схема представляет собой удвоенную классическую модель коммуникации Р. Якобсона. Надстроенный вектор фиксирует процесс осмысления бытия, когда автор оказывается в позиции интерпретатора. Кавычки в схеме – указание на трансцендентную природу элемента модели, индексация актуализирует не различие, но смежность элементов, стрелка фиксирует направленность семиозиса.

Адресант оказывается одновременно в статусе кодирующего отправителя и декодирующего интерпретатора бытия, улавливающего смыслы. Результатом работы по улавливанию смыслов становится не знание, что облегчало бы кодирование и декодирование, а интуитивное представление, мерцающие смыслы.

Объектом изображения / выражения в поэтическом тексте становится не сама действительность, а действительность в ее восприятии автором, в ее феноменальном виде. Степанова так описывает этот объект: «...автор действительно побывал там, где жизнь видна на просвет, и вынес оттуда новое ведение – новое видение, новые связи между предметами» [Степанова, 2014, с. 222]. Она избегает использовать слово «знание» с его ассоциативным полем, включающим «убежденность, уверенность, оформленность», предпочитая «ведение» и уточняя его значение – «видение». В семантике глагола «ведать» есть сема «понимать», а также «способность передавать некую мудрость, которая может быть недоступна многим». Как замечает Л. Г. Ефанова [2004], *знание* – «преимущественно пассивное обладание определенной информацией», при этом «активность субъекта знания ограничивается усилиями, направленными на получение информации», *ведать* «имеет не только информативную, но и истинностную направленность». Некая исключительная и ценная информация, предполагающая истинность, а также потенцию к передаче (что особенно важно в рассматриваемом аспекте коммуникации), характеризуют референт. Не само бытие становится объектом, но уловленный поэтом смысл. Это объясняет частотность использования Степановой слова «поверх»: «Его проза <...> написана как бы поверх языка, на ангельском наречии общего равенства и единства» («С той стороны. Заметки о Зебальде» [Степанова, 2014, с. 66]); «Здесь <...> налицо то, что не дает говорить о Цветаевой вне контуров ее биографии – настойчивая воля, заставляющая нас искать черты авторского присутствия поверх (или поперек) текстов» («Прожиточный максимум» [Там же, с. 130]); «...книга написана поверх (поперек?) истории...» («Из точки поражения» [Там же, с. 202]); «И поэтому она [поэзия К. Кравцова. – Ю. Г.] пишется так, как пишется – поверх себя самой...» («По направлению к раю», [Там же, с. 213]). Поверх – зона смыслов, надстраивающихся над реальностью.

По сути, мы имеем дело с явлением неденотативности (Ч. Моррис), предполагающей отсутствие непосредственной связи обозначаемого и обозначающего. Об этом же пишет В. Клюев, который считает, что весь литературный дискурс – это поле «безреферентных и референцированных вы-

сказываний (вовсе не соотношенных с действительностью или соотношенных с ней условно)» [Клюев, 2000, с. 26]. Неденотативность оказывается одним из оснований деконструктивистской концепции Ю. Кристевой: «Знак не отсылает к одной-единственной конкретной реальности, но вызывает представление о совокупности взаимосвязанных образов и идей» [Кристева, 2004, с. 422]; «Поэтическое означаемое отсылает и в то же время не отсылает к своему референту, оно и существует, и в то же время не существует, одновременно является и бытием, и небытием» [Там же, с. 267].

Феноменологическая прививка к семиотике позволяет увидеть специфику художественной коммуникации, в которой в качестве референта выступает не реальность, а ее ментальная проекция, представление, а также понять причину трудности понимания читателем современной поэзии, раскрыть суть усилия-к-пониманию, о котором пишет М. Степанова. Препятствием для читателя оказывается уникальность кодируемого, трансцендентальная природа передаваемого посредством знака.

Классическая семиотика исследует поэтическую речь с помощью теории информации: предполагая обязательную структуру коммуникативного процесса, настроенность отправителя на потенциальный акт декодирования. Современный поэт, по мнению М. Степановой, не помогает читателю, не расставляет своего рода отмычки к сложно построенному тексту, не озабочен правильностью прочтения⁵. В эссе «Про изменившийся воздух» она пишет: «Раскрошились конвенции, работавшие десятилетиями и казавшиеся незыблемыми именно в силу своей очевидности: презумпция доверия к автору (он не пытается тебя одурачить), потребность в читательском опыте (цитаты-цикады в тексте хотят быть узанными), вера в необходимость общей работы текста и того, кто его читает» [Степанова, 2014, с. 25]. Иными словами, Степанова говорит о неактуальности модели коммуникации, настроенной на передачу / восприятие информации. Отсутст-

⁵ Д. Бак пишет о незабоченности и самой Степановой-поэта: «Поэт Мария Степанова будто не замечает грамматики языка и стиха, а вместе с тем не желает замечать читателя и “понимателя” своих поэтических текстов» (*Бак Д. Сто поэтов начала столетия. О поэзии Дмитрия Быкова * и Марии Степановой // Октябрь. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2010/3/sto-poetov-nachala-stoletiya-9.html>* (дата обращения 12.09.2023).

* Минюстом РФ Д. Быков включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

вие презумпции доверия к автору здесь – это отсутствие веры в то, что автор доверяет читателю, верит в успех коммуникации. Недействующим оказывается один из коммуникативных постулатов Г. П. Грайса [1985] – постулат кооперации, предусматривающий, что адресант производит сообщение с определенной целью и предполагает, что читатель поймет его.

Опыт постижения поэтом мира требует нового языка для его запечатления. Об этом говорит М. Степанова в интервью с А. Тимофеевским: «Для меня стихи – что-то другое; скажем, сообщение (отправленное автором самому себе в первую очередь), прививка нового опыта, который может и, видимо, должен отличаться от наших представлений о самой материи поэтического»⁶. Говорение современной поэзии на новом языке, которого требуют новые смыслы, – иллюстрация бесконечности поэтического кода У. Эко [Эко, 2004, с. 304] и объяснение необходимости в новом языке несоответствием традиционной литературной нормы «действительному порядку вещей». Язык утратил способность «схватывать» вещи, называть их точно.

Поэт, создающий новый язык, и читатель, не владеющий им, оказываются участниками затрудненной коммуникации, подобно иностранцам в ситуации отсутствия языка-посредника. Усилие-к-пониманию текстов позволяет описать язык: способы означивания, связь между элементами, адресованность. Возможность такой обратной процедуры уловил в свое время Ю. М. Лотман. В докладе 13 марта 1981 г. в Тартуском государственном университете он говорил: «Не языки создают тексты, а тексты создают языки» [Лотман, 2022, с. 13].

В эссе «Про изменившийся воздух» М. Степанова пишет: «В зоне крошечной неуверенности, на физическом (метафизическом тоже) сквозняке можно существовать, и как раз там поэтическая речь могла бы стать единственным инструментом познания, палкой в руках слепого» [Степанова, 2014, с. 25]. Контекст данного утверждения позволяет говорить, что автор здесь имеет в виду не (не столько) читателя, а (сколько) самого поэта. В таком случае речь (говорение, язык) мыслится и как способ познания, и как результат, как плотное знаковое сообщение, требующее интерпретации. Парадоксальность такого вывода отчасти разрешает хайдеггеровская идея языка как дома бытия. Посредством языка, по мнению философа, возможно раскрыть смыслы, заложенные в самом языке. Речь «ведет» поэта, направляет его мысли, открываясь в своем онтологическом качестве.

⁶ Нечто неслышанное: переписка А. Тимофеевского и М. Степановой.

Поэтический текст, по М. Степановой, ценен запечатленностью в нем акта улавливания смысла: «Среди иллюзий, связанных с писательским ремеслом, есть одна <...> вера в само письмо и его способность к самостоянию. Говоря проще, мы упорно приписываем тексту бытие, отдельное от авторского, утверждаем его витальность, его независимость, его реальность» («Поверить в поэтику» [Степанова, 2014, с. 193].

Сказанное выше позволяет по-новому осмыслить процедуру поэтического кодирования. Выше мы говорили о поэте как смыслоулавливателе и о том, что он может быть рассмотрен одновременно в статусе кодирующего отправителя и получателя, интерпретирующего бытие. Как интерпретатор бытия он уже имеет дело с кодом особого рода, воспринимая мир как своеобразный текст (не в постструктуралистском смысле), за материальными знаками которого открываются смыслы. По всей видимости, этот код (К-1) определяет и текстопорождение как творческий акт. Трансцендентальное, мало рационализируемое представление о К-1 транспонируется в знаковое пространство поэтического текста (К-2). В этой природе кода кроется еще одна причина затрудненного понимания поэтического текста читателем.

Сложность кода – следствие уникальности опыта познания мира поэтом, уникальности его присутствия в точке «где жизнь видна на просвет» [Там же, с. 221], на границе доступного и недоступного, в котором открывается самое бытие. Тогда интерпретация текста предполагает погружение в семантико-ментальные структуры авторского (и своего) сознания. При этом, что высказываемое «всегда нечто иное, чем то, что мы имеем в виду и к чему относится высказываемое»⁷. Вот почему так опасна, по мнению М. Степановой, ситуация увлечения легкой поэзией с ее «опрошением, обмелением стиха»: «Стихи начинают восприниматься не как проводник (в дивный новый или старый мир), а как инструмент» («Про изменившийся воздух» [Там же, с. 26]).

Сравнение автора и читателя с иностранцами, приведенное выше, не подразумевает, однако, тотальной невозможности понимания. Поэт, очевидно, предполагает читателя, рисует в сознании его модель («М-читатель» У. Эко [2016, с. 20–30]), который сможет интерпретировать текст. Нередко это читатель особенный, способный освоить новый язык (провиденциальный читатель О. Мандельштама), что не исключает ситуации ин-

⁷ Франк С. Непостижимое // Lib.ru/Классика URL: http://az.lib.ru/f/frank_s_1/text_1939_nepostizhimoje.shtml (дата обращения 09.08.2023).

терпретации с применением кодов, отличающихся от использованных автором. Кроме того, в сознании обоих присутствуют пред-структуры, которые рождены базовыми универсальными ценностями, культурно-антропологическими универсалиями, определяющими вхождение в процесс коммуникации, представление о феномене языка в целом.

Вернемся к высказыванию М. Степановой («... поэт / писатель – что-то вроде портативного смыслоулавливателя, точный прибор, работающий наподобие сейсмографа...»). Это сравнение – важная гносеологическая «проговорка». И адресант, и адресат для нее – смысловывявляющие субъекты. По всей видимости, Степанова размышляет о современной коммуникативной ситуации в рамках классической герменевтики, изучающей процессы вычленения смысла, заложенного в текст (в то время как неклассическая исследует процессы смыслопорождения, делая реципиента главным участником смыслообразования). «Вчитывание» своего смысла читателем осмысливается как упрощение, отклонение от задуманного автором, опасное непониманием и понижением степени эквивалентности между смыслами: «в каких-то случаях определенные вещи (интонации, смыслы) как бы сообщаются тексту извне, мимо авторского замысла <...> вписываются туда самим читателем, вернее, определенным способом чтения, при котором всё, что кажется лишним, малосущественным, вытесняется за обочину. Это можно назвать регулирующим или редактирующим чтением, которое снимает с текста исключительно пенку – нужный себе смысловой слой» («Про нулевые» [Степанова, 2014, с. 30]). Возможно, такая позиция объясняется тем, что М. Степанова сама поэт, выбравший путь усложненного письма. Ей важно быть понятой, не потерять своего читателя.

Идеальный вариант чтения для нее – чтение-травма, когда неприменимость известных способов декодирования текста вызывает болезненное раздражение. Только в такой осознаваемой читателем тотальной недостаточности возможно формирование недостающего «органа», своего рода эволюция человека читающего.

Размышления М. Степановой о современном читателе, собственном опыте чтения позволяют сделать вывод о существовании следующих актуальных для нее причин сложности понимания текста.

Первая – описанная выше специфика кодирующей системы, которая имеет одновременно как текстопорождающее (в направлении «Автор / Адресант – Читатель / Адресат»), так и гносеологическое (в направлении «Бытие – Автор / Адресат») основание и требует от читателя реконструк-

ции языка говорения (К-2) и понимания (К-1) без потери эквивалентности смыслов. В противном случае исчезнет то, что М. Степанова называет «резонансом». Безрезонансность – диагноз, который она ставит современной литературе («...новые имена, новые тексты падают и пропадают без звука» [Степанова, 2014, с. 24]).

Вторая причина – ориентация на имеющийся опыт декодирования. О накоплении интерпретационного опыта и стабилизации кода пишет У. Эко: «Код, когда мы имеем дело с языком, устанавливается и крепнет в процессе общения, являясь результатом общепринятых навыков говорения; и в тот миг, когда код устанавливается, каждый говорящий начинает неизбежно соотносить одни и те же значки с одними и теми же понятиями, комбинируя их по определенным правилам» [Эко, 1998, с. 57]. Развернем эту мысль в направлении к интерпретатору и процессу декодирования поэтического текста: постепенно коды, сложившиеся в процессе накопления читательского опыта, становятся всё более понятными / привычными для интерпретатора, а декодирование приобретает качество навыка. «Навык» здесь используется в значении, которое имелось в виду Ч. Пирсом, определявшим суть понятия «интерпретант» как навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты, существенные для непосредственной проблемной ситуации, как если бы они были налицо [Пирс, 2000, с. 293], и У. Моррисом: «Интерпретанта знака – это навык, в силу которого можно сказать, что то или иное знаковое средство означает некоторые виды объектов или ситуаций» [Моррис, 2001, с. 75]. Понимания не происходит, поскольку не выполняются условия понимания языка, о которых пишет У. Моррис: «...понимать язык или правильно его использовать – значит следовать правилам употребления (синтаксическим, семантическим и прагматическим), принятым в данной социальной общности людей» [Там же, с. 76]. Вот почему, по мнению М. Степановой, «писать о современных стихах лучше всего получается у поэтов – те волевым образом исходят из общей методологии» [Степанова, 2005]. Значение слова «методология» здесь близко к одному из значений понятия «интерпретант» (навык (Ч. Пирс), предрасположенность (У. Моррис)). Имеющийся навык «набрасывается» на новые тексты, как следствие, происходит конфликт интерпретаций.

Если постструктуралистская герменевтика в несовпадении кодов видит возможность бесконечного приращения смыслов, то в системе координат М. Степановой этот путь тупиковый, нетравматичный. Для нее не актуальны осмысление непонимания как значимого этапа генерации смыслов,

включенного в герменевтический круг (герменевтика Х.-Г. Гадамера), деконструктивистская герменевтика Ж. Дерриды и Йельской школы (интерпретация как насилие и присваивание текста), семиотическая теория коммуникации Ю. М. Лотмана (идея о несовпадении кодов и объема памяти говорящего и слушающего и о самовозрастании смысла), антигерменевтическая концепция С. Зонтаг (интерпретация – навязывание сиюминутных или модных дискурсов).

Третья причина непонимания – невладевание контекстом, замена его фиктивным (например, из фильмов). М. Хайдеггер называл такие феномены «засоренными» [Хайдеггер, 2003, с. 53]. В книге «Памяти памяти» [2017] М. Степанова пишет о памяти в том числе и как о ненадежном, субъективном феномене, враге истории, который способен пересоздать контекст. Работа по соучастному «при-поминанию» – необходимое сознательное усилие, которое требуется от читателя [Степанова, 2014, с. 204].

Четвертая причина – избирательность восприятия, преломление получаемой информации с позиций для меня-здесь-сейчас. Пример такой избирательности описывает М. Степанова в статье «Позавчера сегодня». Первые читатели стихотворения «Петроградское небо mutilось дождем...» А. Блока поняли его иначе: не так, как оно задумывалось поэтом, с точки зрения актуального для них отношения к войне [Степанова, 2015].

Можно ли трансформировать коммуникативную ситуацию непонимания в коммуникативное событие интерпретации? Как выстроить диалог, учитывая, что диалог – «это почти всегда разговор на разных языках»? [Лотман, 2022, с. 16].

Первый ответ дает сама М. Степанова в интервью с А. Тимофеевским: читательский «аппарат» формируется со временем, и тексты, написанные сегодня, могут оказаться доступными для понимания только следующим поколениям. А между этими двумя точками «огромный труд приближающего, разглаживающего чтения»⁸. В качестве примера М. Степанова приводит восприятие творчества О. Мандельштама: «То, что сейчас студент филфака читает и понимает “Разговор о Данте”, – результат такого коллективного усилия»⁹. Итак, путь к пониманию современной сложной поэзии в осуществлении интерпретационных усилий, непрерывном накоплении опыта, предполагающего новый навык думать. Д. Бак озвучивает эту мысль М. Степановой так: «Если кому-то что-то неясно, значит еще не

⁸ Нечто неслыханное: переписка А. Тимофеевского и М. Степановой.

⁹ Там же.

совершена коллективная работа читателей над трудностями перевода с поэтического языка на русский»¹⁰. Как было показано выше, этот навык читателя может стать отражением авторского опыта понимания бытия. Посредником окажется язык, в коде которого «говорит» само бытие.

Второй ответ не проговаривается М. Степановой прямо, но реконструируется при чтении ее литературно-критических работ. В каждом эссе сборника «Один. Не один. Не я» присутствует сквозной мотив двойного зрения. Первое восприятие текста оказывается ложным, схватывает лежащее на поверхности, поскольку сформировано опытом предыдущих рецептивных практик (так, как настроен «аппарат»). Смена ракурса позволяет увидеть большее. М. Степановой важно само наличие рецептивной установки на смену ракурса. При отсутствии «органа» понимания («нечем понимать, нечем считывать») данная установка, предусматривающая осознание возможной ложности первого взгляда (имеющегося опыта чтения) и готовность к смене ракурса, может оказаться смыслоулавливающей.

Своего рода метафорой такой смены ракурса становится ситуация, описанная в начале сборника эссе. М. Степанова рассказывает о случае, когда на одной из фотографий видит зимний пейзаж, дорогу к церкви, ёлку – идеальную открытку для поздравления с Новым годом. Через месяц на той же фотографии обнаруживает кладбище: «Не понимаю, как удалось не заметить с первого раза» [Степанова, 2014, с. 13].

Первый взгляд схватывает выдвинутое на передний план и написанное крупными мазками (хайдеггеровская «кажимость» [Хайдеггер, 2003, с. 45]). Второй взгляд (иной ракурс) улавливает неочевидное. Перед нами не только метафора процесса интерпретации текста, какой она видится М. Степановой, но и структурный принцип большинства эссе сборника: она фиксирует на первый взгляд парадоксальные, противоречивые явления, приводит примеры неверных интерпретаций, а затем, меняя ракурс, обнаруживает внутреннюю логику парадокса, смыслы, казалось бы, в бессмысленном. Так, фотографии в книге Зебальда на первый взгляд ничего не иллюстрируют; воспоминания в мемуарах Алисы Порет («Что там увидела Алиса»¹¹) кажутся хаотично собранными, повествование Лагерлёф выглядит безыскусным, простым, цветаевские формулы-ответы представляются взаимоисключающими («Прожиточный максимум»). Настроенность на поиск неочевидного (на разглядывание текста «на просвет») по-

¹⁰ Бак Д. Сто поэтов начала столетия...

¹¹ Здесь и далее названия эссе из сборника: [Степанова, 2014].

зволяет М. Степановой увидеть в фотографиях Зебальда свидетельство нахождения и говорения автора на границе между этим и иным миром; в хаотичных мемуарах Порет – взгляд на настоящее, развернутое в прошлое, и образ жизни и мысли на границе реального и должного; в парадоксах М. Цветаевой – логику недолжного: противостояние актуальному, сложившемуся, обыкновенному, принимаемому большинством.

Итак, граница привычной коммуникации – то пространство, в котором встречаются современный читатель и поэт. В представлении М. Степановой, эта встреча в большинстве случаев обречена на провал. Семиотико-феноменологическое осмысление рефлексии М. Степановой позволило прояснить некоторые аспекты производства смысла и увидеть причины сбоя коммуникации в специфике каждого структурного элемента семиозиса: автор функционирует одновременно как кодирующий отправитель и декодирующий интерпретатор бытия, улавливающий смыслы; референтом оказывается не реальность, а ее ментальная проекция, представление; декодирование текста предполагает приближение к тому языку, который «считывает» поэт в процессе познания бытия (говорение, язык здесь и способ познания, и плотное знаковое сообщение, требующее интерпретации). В этой ситуации читатель, лишенный навыка говорения на новом языке, которого требуют новые смыслы, совершает подмену: использует имеющийся опыт декодирования, заменяет актуальный для автора контекст фиктивным / «своим», преломляет информацию в направлении для меня-здесь-сейчас. Идеальный читатель для М. Степановой – читатель, готовый выйти за границу привычной практики чтения, готовый к травматичному опыту понимания нового языка и улавливания новых смыслов при отсутствии «органа» для полноценного диалога.

Список литературы

Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 217–237.

Ефанова Л. Г. Знание и гласность (семантический анализ глаголов «знать» и «ведать») // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 57–68.

Клюев Е. В. Теория литературы абсурда. М.: Изд-во УРАО, 2000. 104 с.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с фр. М.: РОССПЭН, 2004. 656 с.

Лотман Ю. Доклад 13 марта 1981 года в Тартуском государственном университете // Слово.ру. Балтийский акцент. 2022. Т. 13 (№2). С. 10–23.

Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 129–143.

Пирс Ч. Начала прагматизма. СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. 352 с.

Поэзия XXI века: жизнь без читателя? // Знамя. 2012. № 2. С. 180–188. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatelya.html> (дата обращения 09.08.2023).

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.

Степанова М. Литература не должна интересоваться // Критическая масса. 2005. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/3/literatura-ne-dolzha-interesovat.html> (дата обращения 09.08.2023).

Степанова М. Один, не один, не я. М.: Новое издательство, 2014. 227 с.

Степанова М. Три статьи по поводу. М.: Новое издательство, 2015. 64 с.

Степанова М. Памяти памяти. М.: Новое издательство, 2017. 408 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Петрополис, 1998. 432 с.

Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. 384 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.

References

Grice H. Logika i rechevoe obschenie [Logic and conversation]. In: Novoe v zarubezhnoi lingvistike [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress, 1985, iss. 16: Linguistic pragmatics, pp. 217–237. (in Russ.)

Efanova L. G. Znanie i glasnost' (semanticheskii analiz glagolov “znat” i “vedat”) [Knowledge and publicity (semantic analysis of the verbs “to know” and “to know”)]. In: Golev N. D. (ed.). Yurilingvistika-5: Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava [Jurilinguistics-5: Legal As-

pects of Language and Linguistic Aspects of Law]. Barnaul, AltSU Press, 2004, pp. 57–68. (in Russ.)

Klyuev E. V. Teoriya literaturny absurda [Literary theory of the absurd]. Moscow, 2000, 104 p. (in Russ.)

Kristeva Yu. Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki [Selected Works: The Destruction of Poetics]. Moscow, 2004, 656 p. (in Russ.)

Lotman Yu. Doklad 13 marta 1981 goda v Tartuskom gosudarstvennom universitete [Report on March 13, 1981 at Tartu State University]. *Slovo.ru. Baltic accent*, 2022, vol. 13 (no. 2), pp. 10–23. (in Russ.)

Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the Theory of Signs]. In: *Semiotika: Antologiya* [Semiotics: An Anthology]. Moscow, Akademicheskii Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001, pp. 129–143. (in Russ.)

Peirce Ch. Nachala pragmatizma [Issues of pragmatism]. St. Petersburg, SPbSU Press, Aleteiya, 2000, 352 p. (in Russ.)

Poeziya XXI veka: zhizn' bez chitatelya? [Poetry of the 21st century: life without a reader?]. *Banner*, 2012, no. 2. (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2012/2/poeziya-hhi-veka-zhizn-bez-chitatelya.html> (accessed 09.08.2023).

Ricoeur P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike [Le conflit des interpretations. Essais d'herméneutique]. Moscow, 2008, 695 p. (in Russ.)

Stepanova M. Literatura ne dolzhna interesovat' [Literature should not interest]. *Critical Mass*, 2005, no. 3. (in Russ.) URL: <https://magazines.gorky.media/km/2005/3/literatura-ne-dolzhna-interesovat.html> (accessed 09.08.2023).

Stepanova M. Odin, ne odin, ne ya [Alone, not alone, not me]. Moscow, 2014, 227 p. (in Russ.)

Stepanova M. Pamyati pamyati [In Memory of Memory]. Moscow, 2017, 408 p. (in Russ.)

Stepanova M. Tri stat'i po povodu [Three articles about]. Moscow, 2015, 64 p. (in Russ.)

Heidegger M. Bytie i vremya [Sein und Zeit]. Kharkov, 2003, 503 p. (in Russ.)

Eco U. Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoi poetike [Opera Aperta. Forma e indeterminazione nelle poetiche contemporanee]. St. Petersburg, 2004, 384 p. (in Russ.)

Eco U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu [La struttura assente. Intronzione alla ricerca semiologica]. St. Petersburg, 1998, 432 p. (in Russ.)

Eco U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Explorations in the semiotics of texts]. Moscow, 2016, 640 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Юлия Анатольевна Говорухина, доктор филологических наук, доцент

Information about the Author

Yulia A. Govorukhina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 11.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024; принята к публикации 10.03.2024
The article was submitted on 11.02.2024;
approved after reviewing on 10.03.2024; accepted for publication on 10.03.2024*